

Перевод философских текстов Средневековья: слово и познание

А. Смирнова (Гусева)

Перевод, понимание и познание следуют рука об руку на протяжении всей человеческой истории. Представим ситуацию, когда первым текст познает переводчик, цель которого – донести до читателя смысл оригинала. Переводчик виден нам как языковая личность, изучая переводы и пытаясь их перевести, мы стремимся понять, как в слове мысль начинает жить и дышать. «В анализе механизмов перевода нередко бывает заметно то, что обычно не удается увидеть в других формах и видах познания: а именно как различные слои и фрагменты опыта переходят из сферы неявного и невыраженного в регистр того, что доступно операционализации и интерсубъективной проверке»¹.

Филологические теории развивались прежде всего как теории перевода. В средневековом переводе кроются истоки отношения к слову и вещи, к слову и миру, воплотившиеся в лингвистических воззрениях. Философско-богословские тексты этого времени, как известно, переводились пословно, так было принято и в «грекофильских» школах восточно-христианского культурного ареала.

«Эллинская компонента» буквально властвовала над коптами, которым были свойственны «тупая восприимчивость и необыкновенно упругая воля»². В.В. Болотов приводит примеры необычайно сурового подвижничества, благодаря которому копты только и могли научить себя христианской истине. Нуждаясь в чрезвычайно сильных назиданиях и сознавая свою неподатливость, они вели себя на испытания, только чтобы получить подтверждения этическим максима³. Христианство в Египте появилось рано, но, имея древнюю историю, египтяне трудно поддавались влиянию «людей греческого языка». Постепенно были заимствованы не только существительные и глаголы, но и предлоги, союзы, частицы. Были перенесены многие синтаксические конструкции. Язык «до такой степени был национален и проникнут религиозными воззрениями, что создатели христианской письменности... затруднялись христианские понятия передавать коптскими словами, потому что с ними были соединены египетские представления»⁴.

Из Александрии, где сохранялась ситуация двуязычия, христианство распространялось по всему Египту. «В этой стране, особенно в Дельте и в средней ее части, жило в то время множество греков, которые в основном сосредоточивались в городах. Это обстоятельство привело к тому, что собственно египетское население, особенно в городах, было вынуждено говорить не только на своем языке, но и по-гречески»⁵. Потребность в переводах возникала на периферии, там, где египтяне не соседствовали с греками. Христианское учение «распространялось путем проповеди, что делало необходимой устную интерпретацию греческого текста» талантливыми

¹ Автономова Н.А. Познание и перевод. Опыт философии языка. М.: Росспэн, 2008. С. 11.

² Болотов В.В. Собрание церковно-исторических трудов. М.: Мартис, 2002. Т. 4. С. 381.

М.И. Чернышева, анализируя славянские тексты, для такого рода явлений вводит термин «византизмы», изучение которых «позволяет ощутить пульсирующую структуру языка переводного памятника этапа складывания первого литературного языка славян» (Чернышева М.И. О понятии «византизмы» в языке славяно-русских переводных памятников // Византийский временник. Т. 52. С.181. В данном случае византизмы проявляются на всех уровнях системы коптского языка, от фонетики до синтаксиса.

³ В.В. Болотов в очерке, озаглавленном «К характеристике новоначального египетского монашества», приводит примеры подобного поведения. Так, некий старец, не принимая участия в жатве, пришел получить плату и, не получив, спросил: «А разве кто не жнет, тому не дают и платы?» - «Не дают». Все это старец проделал, чтобы яснее запечатлеть в себе, что тот, кто не подвизается, не получит награды от Бога. Один юноша, не желая служить объектом искушения для собратьев, просидел долгое время в соляном озере и вышел, когда его облик был изменен ранами - это пример проявления любви к ближнему (Болотов В.В. Указ. соч.).

⁴ Там же. Т. 3. С. 265.

⁵ Тилль В., Вестендорф В. Грамматика коптского языка. Саидский диалект: грамматика. Хрестоматия. Словарь / Пер. с нем., комментарии, вступительная статья, послесловие А.С. Четверухина. СПб., 2007. С. 33.

переводчиками-толкователями⁶. К концу III в., «когда проповедническая деятельность, развернутая возникшим в Египте монашеством, резко усилила приток в ряды христиан сельского населения», появилась необходимость перевести христианские тексты на местный язык – то есть не на демотический, а именно на тот, который был понятен, что называется, «простому народу». Так в основу перевода христианских сочинений был положен разговорный язык. «Демотическое письмо никак не годилось для этих целей. Даже не потому, что оно было чрезвычайно трудным и громоздким, а потому, что от него просто веяло язычеством, что было совершенно неприемлемо для ранних христиан»⁷.

Копты, отдав свое тысячелетнее слово, приняли – даже не заимствовали, поскольку в этом слове есть оттенок условности – греческую терминологию, которая, несмотря на многовековую дохристианскую историю, была для них вместилищем идеи христианской.

(Надо заметить, что не только христиане писали по-коптски – тем же письмом и языком, имеющим в основе разговорный, пользовались и гностики и манихеи. Этот факт «не удивителен и вполне правомерен: ведь и они в определенной степени считали себя христианами»⁸).

В коптском тексте, найденном и опубликованном Отто фон Леммом в 1900 г.⁹, заимствования из греческого составляют ¼ текста. Слово непременно должно было вызывать некое напряжение у читателя: если оно теряло силу своего воздействия, становилось нейтральным, то заменялось другим заимствованием, которое воспринималось остро¹⁰.

В славянской филологической традиции понятие силы, наряду с образом, подобием и разумом, было одним из ключевых.

Примерно к 1980-м гг. «благодаря сопоставлению с другими средневековыми переводами, пришло осознание того, что славянские переводы включены в современный им уровень европейской переводческой деятельности, отвечают требованиям своего времени и используют характерные для европейской науки переводческие принципы»¹¹, в основании которых находилась идея образа и подобия. Одним из философских источников переводческих теорий были труды Дионисия Ареопагита («О небесной иерархии», «О именах Божиих» и Девятое письмо к священноначальнику Титу), где разворачивается восходящая к Платону и стоикам идея о подобном и неподобном подобии. Известный отрывок из предисловия к «Богословию» Иоанна Дамаскина, который переводил Иоанн экзарх Болгарский (X в.), содержит цитату из трактата «О именах Божиих», которая служит обоснованием древнеславянской теории перевода¹².

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 34.

⁸ Там же.

⁹ *Lemm O. von. Eine dem Dionysius Areopagita zugeschriebene Schrift in koptischer Sprache // Bulletin de l'Académie impériale des sciences. V^e série. Vol. XII. № 3. St. Petersburg, 1900.* Автор публикации среди коптских сокровищ Национальной библиотеки обнаружил отрывки приписываемого Дионисию Ареопагиту текста, которые не совпадают ни с одним из известных под этим именем сочинений. В примечаниях названы четыре трактата и десять писем, также сообщается, что известны еще два письма: 11-е к Аполлофану, существующее только в латинском варианте, и 11-е к Тимофею, о смерти апостолов Петра и Павла. Это письмо сохранилось в сирийской, армянской и латинской традициях; был издан перевод на английский язык армянского текста. Есть версия на эфиопском языке. Публикуемый Отто фон Леммом текст называется «Рассказ Дионисия Ареопагита о Распятии Христовом и о проповеди апостола Павла».

¹⁰ См.: Сочинения гностиков в Берлинском папирусе 8502 / Пер. с нем. и коптского, доп. примеч. и главы А.С. Четверухина. СПб., 2004. С. 88-89.

¹¹ *Чернышева М.И.* К вопросу об истоках лексической вариативности в ранних славянских переводах с греческого языка: переводческий прием «двуязычные дублеты» // Вопросы языкознания. 1994. № 2. С. 97.

¹² : «Да никакo же братья зазирайте, аще кде обрящете неистый глаголь, небонъ разоумъ емоу естъ положень тождемоуень. сиче бо и дионисии с(вя)тгыи глаголетъ рекыи естъ бо неплодно мьню якоже и криво иже гласы нагыи вьнимають. и сия даже и до слоухоу неминующа. вьне съдржимы и нехотящемъ ведети. чьто чь глаголь назнаменуеть. како ли съподоба. и инеми тождемоуущими глаголами и являющими съказати... небо естъ лъзе вьсьде съмотрити елиньска глагола. нъ разоума ноужда блюсти... небонъ разоума ради прелагаемъ кьнигы сия. а не тьчию глаголь истовыихъ радьма» (*Калайдович К.Ф.* Иоанн экзарх Болгарский. Исследование, объясняющее историю словенского языка и литературы IX и X

«Разоумь» должен быть выражен «тождемогущими глаголами», что возможно благодаря равной или похожей «силе» слов в разных языках. Некоторые исследователи под «силой» понимают значение слова, что может привести к своего рода уплощению переводческой теории, заслоняя смысловой онтологизм. Скрытая в предмете «сила» не редуцируется и не дробится, но является «отпечатком или печатью самой субстанции»¹³. Слова, обладающие равной «силой», в равной степени способны с той или иной стороны характеризовать сущность, способствуя ее познанию с разных сторон, отсюда возникает тема межъязыковой синонимии. Благодаря силе читатель словом возводится к Слову, и тогда ословливание может быть понято как возрастание.

М.И. Чернышева приводит типы переводческих решений. Первое закрепляет за словом оригинала постоянный эквивалент переводящего языка, таким образом точно передается структура оригинала. Этот способ «подобных подобий», названный пословно-формальным, был применен Аквиллой (II в.) при переводе Ветхого Завета на греческий язык. При использовании «парафрастического» способа «неподобных подобий», сохраняется словесный порядок (*verbum de verbo*), но без закрепления постоянной лексической единицы за определенным словом, тогда при использовании внутриязыковых синонимов может меняться количество слов в предложении и тем самым передается смысл (*sensum de sensu*). Для третьего, пословно-семантического способа характерна установка на «понятность», при этом сохранялось требование следовать структуре оригинала¹⁴.

С течением времени средневековые переводы часто воспринимались как «темные» (например, см.: *Соболевский А.И.* Переводная литература Московской Руси XIV-XVII вв.). Между тем современные исследования показывают, что ученые, работавшие с текстами, в большинстве своем были мастерами, обладали, кроме филологической интуиции, глубокими знаниями и хорошо понимали, как нужно переводить философско-богословские труды. Миф о плохо выполненных переводах возникает по двум причинам: специалист, сформировавшийся в определенной научной парадигме, невольно распространяет свои представления о связи вещи и смысла на изучаемые переводы и приписывает исследуемому материалу черты, к примеру, коммуникативной или контекстуальной теории. Вторая причина – с течением времени перевод перестает восприниматься как адекватный.

Термин «адекватность» носит историко-географический характер, обозначает соответствие определенной языковой и культурной ситуации. Например, по мнению А.Л. Соломоновской, первый славянский перевод Ареопагитского корпуса 1371 г. к XVII в. выглядел «неудобочитаемым» потому, что он выполнялся в двуязычном коллективе Афонского Пантелеймонова монастыря, и в среде, где обращение к греческому языку не было повседневной практикой, постепенно потерял первоначальную прозрачную смысловую основу¹⁵. Ситуация греко-славянского двуязычия не могла быть повторена на Руси, хотя о том, что славянская грамматическая система подобна греческой, говорили

столетий. М., 1824. С. 131).

¹³ Тахо-Годи А.А. Античная традиция об имени и предмете наименования в Ареопагитиках // Античная балканистика. Т. 3. Языковые данные и этнокультурный контекст Средиземноморья. М., 1978. С. 45.

¹⁴ См.: Чернышева М.И. Указ. соч.

¹⁵ См.: Соломоновская А.Л. Словарный состав и переводческая техника древнерусских Ареопагитик. Дисс. на соиск. уч. степ. кандидата филологических наук. Новосибирск, 2005. В диссертации приводятся лексические черты переводов Афонской школы: передача греческого артикля (в том числе субстантивирующего) соответствующей формой местоимения «иже»; стремление найти структурное соответствие оригиналу (приставочное образование передается приставочным, бесприставочное = бесприставочным); калькирование (при правке заимствование часто заменяется калькой для передачи внутренней формы); стремление находить постоянные славянские эквиваленты одному и тому же греческому слову (одно слово оригинала соответствует одному слову перевода); соответствие частей речи в оригинале и переводе; использование лексики кирилло-мефодиевской школы – стремление обобщить предыдущие переводческие традиции. Все это означает усложнение структуры слова, что было характерно и для перевода Исайи.

грамматики, составленные по образу греческих¹⁶. Кроме того, за триста лет синтаксический строй письменного языка претерпел определенные изменения, в чем-то не приняв того пути, по которому направлял его игумен Исайя. Грубо говоря, так уже не писали и так не думали.

Проблема понимания возникает, «когда распадаются внутрикультурные связки между основными “предельными” для каждой эпохи понятиями, которые в совокупности своей определяют “фонное”, “контекстное” знание и составляют основу мировоззренческих схем, “канонов смыслообразования”, характеризующих ту или иную эпоху»¹⁷. Меняется способ ословливания реальности, и происходит невольное отчуждение смысла. Читателю XIX в. перевод Исайи, когда-то ценимый за прозрачность и близость оригиналу, кажется сплошной калькой (хотя примерно в 30% случаев, когда можно было применить калькирование, инок Исайя предпочитал этого не делать). Встает вопрос – как переводить подобные тексты? «Должен ли перевод передавать слова оригинала или же идеи оригинала? Стиль оригинала или же стиль переводчика? Должен ли перевод читаться как перевод или же как оригинальное произведение? Должен ли он читаться как произведение, современное оригиналу, или же произведение, современное переводчику?»¹⁸. Если означаемым является понимаемое понятие (потому что есть субъект со своей сферой иного – опыта), то что мы переводим – понимаемое автором или понимаемое нами понятие? Понятие, понимаемое нами как понятое автором? Как прорваться к смыслу? «Но есть и еще более важная антиномия: должен ли перевод подводить читателя к пониманию текста на оригинальном языке или же так преобразовать текст, чтобы сделать его доступным культуре и читателю языка перевода?»¹⁹.

При переводе текстов, подобных древнерусским Ареопагитикам, необходимо переводить так, чтобы оставался «люфт», где читатель включается в текст и слышит голос оригинала и голос первого переводчика, понимающего оригинал²⁰. Эти два голоса создают некое силовое – может быть, конфликтное – поле, в котором читатель должен остаться один и прожить (пережить) выраженности смыслов, сообразуясь со своим внутренним опытом. Огромна ответственность исследователя-интерпретатора, задачей которого, с одной стороны, является воссоздание ситуации чтения древнерусского читателя, с другой – перенесение смысла оригинала на современную почву. Слова оригинала, «первого» перевода и «второго» перевода находятся в отношении синонимии²¹. Синонимия становится и межъязыковой, и межвременной. «Сила» сущности, выражающаяся связкой (быть), позволяет возникать новым именам, характеризующим сущность с разных сторон.

¹⁶ Так же считали и последователи «грекофильских» школ Армении и Грузии.

¹⁷ Автономова Н.А. Указ. соч. С. 566.

¹⁸ Там же. С. 493.

¹⁹ Там же. С. 494.

²⁰ «Первым» переводом будем называть перевод философского текста, выполненный в Средние века, «второй», в кавычках, перевод – это перевод этого текста на нынешний язык.

В.Л. Топоров говорит о странной закономерности в связи с желанием читателя услышать голос автора: «сейчас у продвинутой читающей молодежи установка на плохой перевод, сквозь неуклюжий перевод она хочет увидеть оригинальное авторское решение, домыслить, превратить книгу в интерактивное чтение. Этой аудитории неинтересно получать готовую переводческую версию, сквозь которую не пробиться к автору. Эту задачу плохие переводчики выполняют невольно, а хорошие с ней борются» (Калашикова Е. По-русски с любовью. М., 2008. С. 108).

²¹ Как писал В. фон Гумбольдт, «было бы полезно предпринять двоякое сравнение: слов, употребляемых в разных языках для выражения одинакового в общих чертах понятия и слов одного и того же языка, относящихся к одинаковому роду понятий. Во втором случае духовная самобытность вырисовывается как нечто единое в своей неповторимости: сопутствуя все объективным понятиям, она неизменно остается собой. В первом случае мы увидим, как одно и то же понятие, например понятие души, осмысливается с разных сторон, и на путях исторического исследования ознакомимся как бы со всем диапазоном возможных для человека способов представления» (Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1985. С. 181).

В этой же «силе» можно увидеть основание тропа, метафоры, открывающей и «то, что есть, и то, чем может стать это есть»²².

Тема метафоры как инструмента понимания рассматривается Н.А. Автономовой. «Метафора многолика: это одновременно и средство артикуляции сознания, еще не расчленившегося на отдельные сферы, и то, в чем можно видеть все новые проявления онтологического единства мира. Одним из продуктивных способов изучения этой области, где понимание и перевод идут рука об руку, представляется анализ метафоры как стержневого принципа работы сознания на пути от доязыкового опыта к языковому значению, от спонтанного зарождения смыслов внутри интуитивных и полуинтуитивных представлений внутри сферы воображения, к их рациональной фиксации, интеллектуальному расчленению и прояснению»²³. По-видимому, главным моментом в метафоре является парадоксальность: «Метафора – это вторжение синтеза в зону анализа, представления (образа) в зону понятия, воображения в страну интеллекта, единичного в царство общего, индивидуальности в “страну” классов. Метафора стремится внести хаос в упорядоченные системы предикатов, но, входя в общенародный язык, в конце концов подчиняется его семантическим законам»²⁴. Традиционной логикой метафора рассматривается как «категориальная ошибка (она относит предмет к тому классу, к которому он в действительности не принадлежит), это помеха коммуникативной функции языка, однако именно метафора формирует те ресурсы смысла, без которых невозможна никакая вообще коммуникация»²⁵. Как ни странно, не отвечая коммуникативной языковой функции, троп выполняет функцию понимания как адаптации, «уязвляя» и возводя, подбрасывая вверх²⁶.

Именованное метафорично. ‘Αληθεια’ – истина, понятая как «незабвенное», ‘veritas’ – как «заслуживающее доверие», ‘истина’ – как «настоящая, насущная суть вещей»²⁷. «При анализе языка философских, да и любых других текстов обнаруживается, что сам способ образования слов-понятий изначально предполагает метафору (перенос чувственно-конкретного смысла на иной, в чувствах не данный объект), что закрепление такого переносного значения в качестве основного происходит не вдруг, закрепляется постепенно и что теперь в наших герменевтических штудиях мы подчас стремимся осуществить своего рода “обратный перевод”: раскопать начальное в том, что сейчас преобладает, но когда-то было второстепенным. При этом происходит своего рода инверсия метафоры: так, изначально при складывании абстрактного смысла того или иного слова-понятия, скажем, “идея” (эйдос), метафора заключалась в переносе конкретных смыслов на неконкретные содержания (“идея есть то, что видимо духом”), теперь же мы видим в слове “идея” прежде всего нематериальное, необразное, и, только вникнув в первоначальный его смысл, вспоминаем об образной созерцательной компоненте значения»²⁸.

²² *Неретина С.С.* Тропы и концепты. М., 1999. С. 24.

²³ *Автономова Н.А.* Указ. соч. С. 588.

²⁴ *Арутюнова Н.Д.* Языковая метафора: синтаксис и лексика // Лингвистика и поэтика. М., 1979. С. 150. Цит. по: *Автономова Н.А.* Указ. соч. С. 589.

²⁵ Там же.

²⁶ «...широкая открытость пониманию, делающая тропы важнейшей онтогносеологической категорией, представляет содержательную сторону мышления в ее тождестве с формально-образными структурами. Она, эта открытость как свойство тропической речи, в себе содержит способность и постоянную готовность вещи выразить себя в разных значениях, обусловленных переходом мысли через ничто, обеспечивающим вариативную способность понимания» (*Неретина С.С., Огурцов А.П.* Пути к универсалиям. СПб: РХГИ, 2006. С. 223).

²⁷ *Камчатнов А.М.* История и герменевтика славянской Библии М.: Наука, 1998. С. 94-95.

²⁸ *Автономова Н.А.* Указ. соч. С. 588.

А.Л. Соломоновская упоминает о глоссах ркп. F VI Крс. (XV в.): фраза изъявилиие же вси сут(ь) и вестници преждьных темъ поясняется припиской вестници рекше агелы. Происходит ретимологизация греческого термина, когда необходимо было акцентировать внимание на уже забытом значении «вестник, посол» (*Соломоновская А.Л.* Указ. соч. С. 74-75). В переводе на современный язык: «все умы суть истолкователи и вестники тех, кто прежде их [по чину]».

Перевод невозможен без вслушивания в Другого. По словам С.С. Хоружего, «нужно формировать в себе субъекта, “сочувственного” встреченному явлению. Близкую установку выражает и концепция “участного мышления” Бахтина, и эти краеугольные принципы общения культур, трансляции культурных феноменов должны иметь директивную силу в сфере... перевода»²⁹. Вслушиваясь, исследователь выявляет в тексте оригинала истоки смыслов, которые перетекая в перевод, должны вызвать у читателя ассоциативные ряды, сходные с теми, которые есть у читателя оригинала. И здесь возникает еще одна важнейшая проблема – проблема цитирования. Кому принадлежат цитаты в тексте – автору, переводчику, читателю?

В греческом тексте Ареопагитик есть скрытые цитаты и цитаты с отсылкой, множество аллюзий, реминисценций³⁰. Должны ли скрытые (без отсылок) цитаты оставаться скрытыми и неузнаваемыми? Например, в переводе инока Исаяи не видны скрытые цитаты из неоплатоников (он и античные мотивы сократил, не из соображений цензуры, конечно, а чтобы текст не потерял цельности, это же действительно был настоящий святоотеческий текст). Скрытые цитаты из Писания, св. отцев и без отсылок узнавались древнерусским читателем (современный человек часто бывает одинок и беден в этом смысле). Эта полифония Ареопагитик, намеренно потерявшаяся в древнерусском прочтении, отсутствует и в русской традиции до XIX в. Текст с отчетливыми неоплатоническими мотивами, прочтенный переводчиком как ортодоксальный, стал таковым и для «первого» переводчика, и для читателей «первого» перевода. Если цель «второго» перевода – воссоздать «первый» в рамках новой историко-культурной ситуации, то есть сделать адекватный перевод, то неоплатонические мотивы, видимые современному исследователю, но не существовавшие для читателей «первого» перевода, конечно, должны занимать во «втором» тексте столько же места, сколько в древнерусском варианте (как мне кажется, при переводе таких фрагментов лучше употреблять не прямые заимствования, более нам привычные, а обратившись к древнерусскому тексту, подобрать адекватную замену, взяв подходящие аффиксы).

В греческом тексте корпуса есть еще одна особенность – толкования Максима Исповедника, Георгия Пахимера и Иоанна Скифопольского были объединены под именем преподобного Максима, и в русской традиции толкования воспринимаются именно так. Надо упомянуть и такое важное свойство древнерусского восприятия – святые отцы не были скрыты, как сейчас, в глубине веков, а продолжали учить через тексты как старшие авторитетнейшие собеседники.

Любой перевод несет в себе определенные потери³¹, часто вынужденные, порой преднамеренные. Как отмечал М.М. Бахтин, «текст (в отличие от языка как системы средств) никогда не может быть переведен до конца»³². Иногда это дает возможность подойти к оригиналу с неожиданной стороны. Сравнивая переводы, сделанные в разных

²⁹ Калашиникова Е. Указ. соч. С. 528.

³⁰ См., напр.: Koch H. Pseudo-Dionysios Areopagita in seinen Beziehungen zum Neoplatonismus und Mysterienwesen. Mainz, 1900.

«Несколько пострадавшей в переводе является эманационная теория Псевдо-Дионисия, как от сокращений, так и от огрубления мысли Псевдо-Дионисия, для адекватного выражения которой переводчику не хватило терминов» (Клибанов А.И. К проблеме античного наследия в памятниках древнерусской письменности // ТОДРЛ. Т. XIII. М.-Л., 1957. С. 166).

³¹ (Проблема непереводимости действительно стоит, например, перед переводчиками на иностранные языки Гоголя или Лескова. «Евгений Онегин» воспринимается французскими студентами буквально как «роман в стихах», стихи на сюжет, Достоевского как русскую пронзительную прозу могут читать немногие, для остальных это многотомный детектив с элементами мелодрамы и комедии положений. Если предположить, что текст воздействует на дух или через душу или через разум, то получается, что перевод и оригинал романа должны производить сходное впечатление на эмоциональную составляющую, следовательно, если оригинал воспринимается духом и разумом через душу, то и перевод должен оставлять сходное впечатление. Тут все дело в сложности передачи русской душевной составляющей средствами другого языка, которая нужна в этом случае, чтобы перевод шел через душу к духу. Пересказ – это сюжет, рифмованный или нерифмованный, он затрагивает разум и через него воздействует на дух.)

³² Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1993. С. 285.

контекстах для разных аудиторий, анализируя переводческие цели и принципы, мы обращаемся к оригиналу – сквозь который, переливаясь или тускло отсвечивая, прорывается понятый автором смысл. Если же, как Ж. Деррида, считать интерпретацию и перевод как ее разновидность искажением, то это приведет к потере цельности мировидения и обречет человека на пребывание во власти дурной бесконечности. Разорвать этот круг можно, только если признать онтологичность смысла.

Познание возможно благодаря слову, которое, воплощаясь в другие, различные языковые оболочки, открывает новые грани бытия, делая возможной встречу человека с Богом.